

Эдуард Розенталь

ВЛАСТЬ

ИМПЛОЗИИ

Эдуард Розенталь

ВЛАСТЬ ИДЛОУЗИИ

Москва
Издательство
политической литературы
1978

Розенталь Э. М.

P64

Власть иллюзии.

М., Политиздат, 1978.

231 с.

Книга журналиста кандидата исторических наук Э. М. Розенталя знакомит читателя с механизмами идеологического и психологического воздействия на умы и чувства людей в капиталистических странах, содержит критику стереотипов и мифов, внедряемых современной буржуазной пропагандой в сознание масс, применяемых ею методов и приемов. Написанная в живой публицистической форме, она сочетает анализ различных сторон буржуазной действительности, образа жизни людей при капитализме, разнообразных явлений культуры с описанием личных наблюдений автора, его встреч и бесед с людьми. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Р $\frac{10506-172}{079(02)-78}$ 150-78

327.21

© ПОЛИТИЗДАТ, 1978 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Поводом для этих очерков послужил конкретный факт. В начале 1974 г. швейцарская газета «Нойе Цурхер цайтунг» опубликовала пространную рецензию на книгу «Хиппи и другие». Изданная на немецком языке в цюрихском издательстве «Архе нова», она представляла собой серию зарисовок, сделанных мною в Швейцарии, и рассказывала о некоторых тенденциях молодежного движения на Западе.

Чем же было вызвано внимание к книге со стороны главного органа банковских и промышленных кругов Швейцарии? Рецензент (он подписал свою статью инициалами А. О.) назвал следующие причины: во-первых, проблемы молодежи интересны сами по себе, во-вторых, поднятые в книге вопросы актуальны и, в-третьих, она была иллюстрирована фактами из жизни прежде всего швейцарской молодежи.

В целом мой рецензент нашел зарисовки «довольно занимательными», хотя кое-где, по его мнению, «краски несколько сгущены». Впрочем, это обстоятельство он снисходительно отнес на счет «марксистского мировоззрения автора» и даже призвал читателя проявить в этом плане известную терпимость. Но вот с чем он категорически не согласился, так это с выводами. Зарисовки — куда ни шло, выводы — нет! Автор, писал г-н А. О., «хочет навязать читателю мысль, будто бы в распоряжении монополий имеется некий дьявольски изощренный механизм, легион социологов и психологов, с помощью которых они изучают устремления молодого поколения, анализируют и используют их в своих политических и экономических целях». Ну при чем тут, скажите на милость, монополии?

В самом деле, при чем?

ствовало. Врачи говорили, что моя песенка спета, — он ухмыльнулся. — Видите, диагноз тоже был музыкальный. Но совершилось чудо, моя болезнь ушла сама по себе. А я почувствовал неистребимую любовь к людям, животным, ко всему мирозданию. И я понял, что призван переделать этот мир, сделать его добрее и мудрее. Да, да, с помощью музыки.

Мой попутчик нежно похлопал деку гитары, которая вместе с мешком на ремне составляла весь его багаж, и гитара отозвалась жалобным стоном.

Потом он вытащил из мешка журнал «Салю ле копэн» и погрузился в чтение. Время от времени я бросал на него короткие взгляды. Ничего особенного. Потертые голубоватые джинсы с зелеными клиньями, розовая майка. На ней накладные заплатки в форме двух сердец и слово «Love» («Любовь»). Такую же точно я видел в Женеве в витрине лавчонки на набережной Роны, ее посещали хиппи. Короче, никакой исключительности, да и рассуждения его с теми или иными нюансами я уже неоднократно слышал от других «Иисус-революционеров».

Прощаясь со мной, мой случайный попутчик порылся в заднем кармане джинсов и протянул мне памятную визитную карточку, на которой значилось: «Рене Эгль, сын бога, гитарист». Она у меня хранится и поныне. Может быть, я и забыл бы об этом эпизоде, если бы, листая совсем недавно один французский журнал, не наткнулся на фото модного шансонье Патрика Жюве, с длинными волосами, в потертых джинсах с клиньями и в майке с заплатками-сердцами со словом «Love». И разумеется, с гитарой.

Бог, гитара, джинсы — подобная ассоциация стала ныне привычной на Западе. Рок-опера «Иисус — суперзвезда» давно уже превратилась в молодежный бестселлер № 1, а грамзаписи поп-арий Иисуса и Ма-

рини Магдалины распространяются музыкальными фирмами в миллионах экземпляров. Модные портные изобретают вкупе с психологами и специалистами по рекламе экстравагантные образцы одежды специально для «суперзвезд» рок- или поп-музыки.

Первые жертвы рекламы — «биттлы», «Роллинг стоунз», Джонни Холлидей и другие «идолы» — сами затем превращаются в живую рекламу нового товара, и мода на него волной захлестывает молодых людей, желающих подражать «исключительному» вкусу своих «звезд» — гитаристов. Надев костюм, «как у Клода Франсуа», или приобретая гитару, «как у Мика Джеггера», они себя чувствуют чуть ли не самими «идолами». А массовые журналы, издающиеся специально для молодежи, со своей стороны всячески поддерживают и раздувают популярность «звезд» поп-музыки или экрана, которые, собственно говоря, и становятся главными героями подобных журналов. И сами эти журналы превращаются в хронику их жизни. Причем хроника эта не рассказывает об интеллектуальных занятиях «идола», о его студенческих годах или увлечении философией, она скрупулезно следит за тем, что он надел на голову или на ноги, где он обедал и что ел, и т. п.

Передо мной январские номера парижских журналов «Хит», «Подиум», «20 ан» («20 лет»), «Салю ле копэн», рассчитанные на молодежь от 12 до 25 лет. Чтение их весьма поучительно. Журнал «20 ан» рассказывает, что Жюльен Клерк, который поет голосом «морского бриза», покорила публику парижского концертного зала «Олимпия», выступая в джинсах. И тут же фото Жюльена во весь рост, на сей раз уже в вечернем наряде: костюм стоимостью 950 франков, шелковая рубашка и галстук-бабочка — 159 франков. И адрес магазина, где можно приобрести то же самое.

„КАТЯЩИЕСЯ КАМНИ“

Если бы я мог предположить, что Мик станет «суперзвездой» поп-музыки, то, вероятно, тогда в Монтрё обратил бы на него больше внимания. Меня познакомила с ним журналистка из музыкальной редакции журнала «Элль». Интервью было коротким, я задал три вопроса: считает ли он свое искусство настоящим искусством, не кажется ли ему, что таких, как он, пруд пруди, просто ему повезло в жизни больше, чем другим, и не думает ли он, что через пару-тройку лет его имя канет в Лету. Первые два ответа были лаконичны: йес и ноу (да и нет). На третий он ответил более детально: лучше кануть в Лету, чем служить чиновником, который с нетерпением ждет смерти начальника, чтобы занять его место. Кроме того, Мик добавил, что не любит журналистов.

Это было десять лет назад. Сегодня взять интервью у Мика Джеггера не проще, чем поздороваться за лапу с пантерой; он по-прежнему не любит журналистов, и телохранители-гориллы строго охраняют покой «звезды». В начале 1976 г. Мик Джеггер и четверо его коллег по джазу давали гастроли в девяти странах Европы. Их сопровождали в поездке 100 человек обслуживающего персонала. Реквизит группы, включая гардероб Мика Джеггера (который оценен в 250 тысяч франков) и 18 электрических гитар Кайта Ричарда, смог разместиться на 13 грузовиках. Затраты на содержание «великолепной пятерки» щедро окупались. В одном только Лондоне на их концерт поступило более полутора миллиона заявок. Мик давно уже стал миллионером, и он не скрывает, что вполне доволен судьбой.

Группа поп-музыки «Роллинг стоунз», что в переводе означает «Катящиеся камни» (или «Перекаати-

поле» — так назывался один из блюзов, который она исполняла), стала сегодня легендарной. О ней пишут книги и ставят фильмы. А начиналось все весьма прозаично. Мик Джеггер, Кайт Ричард, Бриан Джонс, Чарли Уотс и Билли Уимэн, которым тогда не было еще и двадцати лет, организовали музыкальную группу и начали выступать по воскресеньям в одном из ресторанчиков Лондона. Мик пел, Кайт брэнчал на гитаре, Билли пробовал свои силы на ударных инструментах. Именно в эти же годы, только в Ливерпуле, начинали свою музыкальную карьеру «биттлы». Но если последние были причесаны и прилично одеты («мальчики из хороших семей»), то Мик Джеггер и его друзья провоцировали публику встрепанностью и экстравагантной одеждой. Скандальная реклама — это тоже реклама. Девиз группы гласил: ««Стоунз» — это те, кого ненавидят родители». Иначе говоря, в их лице музыкальный мир получил вывернутый наизнанку вариант «биттлов». Официальная Англия была шокирована и даже применила репрессии к подражателям «Стоунз». В одном из лондонских колледжей несколько учеников были исключены лишь за то, что они перестали причесываться (стиль «Стоунз»). В ряде учебных заведений были вывешены инструкции, в которых говорилось, что стрижка «под «биттлов»» — это вполне прилично, «in», т. е. интегрировано обществом, а «под «Стоунз»» — «out», исключено обществом. Дело усугублялось еще и тем, что сюжеты песен «Роллинг стоунз» вращались вокруг наркотиков, алкоголя, секса.

К середине 60-х годов в песнях «Роллинг стоунз» зазвучала тема «восстания», а затем и «революции». Они, правда, не уточняли, кто и как должен делать революцию. Речь шла о том, чтобы разрушить старый мир, и дело с концом. ««Стоунз» — это свои ребята,—

сказал мне один из студентов, участников майских событий 1968 г. в Париже. — Они плюют в поганую рожу капитала». Так «Роллинг стоунз» оказались в струе молодежного протеста. С их песнями на устах студенческий Запад шел на стихийный бунт против «общества стариков». В результате шарм «биттлов» не выдержал конкуренции с агрессивностью «злых детей». Агрессивностью шумной, кричащей, но бесплодной и неопасной. «Агрессивность и насилие сильнее политики, — заявил Мик Джеггер. — Я не люблю политиков, потому что они ничего не способны изменить в этом мире». Бесплодных политиканов, которых действительно немало, «Роллинг стоунз» отождествляют с политикой вообще и тем самым отбивают вкус к политической деятельности у сотен тысяч своих почитателей. Их сторонники идентифицируют себя с ними, с их неучастием в политической жизни, с их презрением к работе на заводе или в бюро, к труду вообще. И хотя сами молодые люди не могут позволить себе копировать «Стоунз» и бросить работу, они тем не менее находят удовлетворение в словесном отрицании «буржуазных» ценностей. В угаре джазовых ритмов они не обращают внимания на то, что их кумир Мик Джеггер, протестуя против «общества потребления», не отказывает себе ни в какой прихоти (когда-то он вставил в зуб изумруд, но решил, что это не то, и заменил его рубином, затем бриллиантом), что его костюмы-шокинг шьются у самых дорогих портных Европы, а его встрепанную прическу часами укладывают лучшие парикмахеры.

А предстатели той самой буржуазии, которую они «ниспроверяют», давно уже не считают «Стоунз» «out». В руках мастеров буржуазной пропаганды Мик Джеггер и его коллеги превратились в своеобразный миф, притягивающий, словно магнит, воображение

молодежи, разряжающий и демобилизующий ее творческую энергию, отводящий ее в русло абстрактного, а потому безобидного протеста. Нет спору, в творчестве «Стоунз» присутствует определенная социальная направленность, они покушаются на старую буржуазную мораль, требуют освобождения личности от сексуальных табу, установленных буржуазными законами. Но «освобожденная» таким образом личность не опасна устоям западного мира. Отношение буржуазии к аморфному движению свободных от всяких запретов хиппи — лучшее тому доказательство. Более того, поняв безобидность такого «освобождения», западные идеологи сами стали поощрять требования личных сексуальных свобод или личной свободы в искусстве самовыражения. Вопреки утверждению идеолога левых Т. Розака о том, что молодежная контркультура выступает антагонистом традиционной буржуазной культуры, последняя манипулирует ею и поглощает ее. Молодежная оппозиция становится очередным ходким товаром на буржуазном рынке ценностей. Буржуазия не боится «освобожденных» личностей, ей страшны личности, объединенные в социальную силу.

— До чего же вы любите искать везде идеологический смысл. Это же нелепо, «Роллинг стоунз» — классовые враги! По-твоему, они «уводят» молодежь, чуть ли не занимаются пропагандой. А им сугубо на все это наплевать, они делают то, что им нравится: играют, поют, танцуют...

Таким я еще не видел Жюль Дююра, обычно мы сходились во взглядах. Студент, член прогрессивной политической организации, он ненавидел капитализм и любил «Роллинг стоунз». К согласию на счет них мы так и не пришли, и мне пришлось выслушать от него нотацию насчет моих «вульгаризаторских за-

блуждений». Музыка, говорил он, не может быть революционной или контрреволюционной. Музыка — это музыка. Потом, выговорившись и немного успокоившись, примирительно заключил:

— Может быть, я и ошибаюсь в чем-то, но ты сам походи и посмотри, как молодежь принимает «Стоунз». Это гораздо сильнее всяких слов. Сходи.

Легко сказать — сходи. Билеты на концерты «Роллинг стоунз» достать почти невозможно. Мне это стоило колоссальных усилий. И уже у входа в зал, где бурлило людское море, можно было с уверенностью сказать, что успех концерту обеспечен. В самом зале царило всеобщее возбуждение, атмосфера казалась наэлектризованной, как перед грозой. Потом на какое-то мгновение все стихло и раздался гром, это на сцене появились музыканты. Мне вспомнились рассказы о том, как на одном из их концертов вошедшая в раж публика принялась громить зал, при этом в толчее погибло несколько человек, десятки были ранены.

На этот раз обошлось без жертв. Но зрелище, которое мне представилось, заслуживает описания.

Мик Джеггер извивался на сцене, как кобра. Говорят, что за выступление он теряет до трех килограммов в весе. Его костюмы сверкали в лучах прожекторов зеленой, красной, фиолетовой чешуей. Он не стеснялся в выражениях, делал непристойные жесты, манипулировал двусмысленными аксессуарами. А публика? Представьте себе ярого болельщика в то мгновение, когда его команда забывает решающий гол. Та же картина и здесь, только это мгновение экстаза длится часами. Мне не раз доводилось наблюдать, как «заводились» в ритуальном танце под звуки там-тамов африканцы. В сравнении с почитателями «Стоунз» они выглядели первоклассниками. Рядом со мной

две девочки лет 15—16 визжали на одной пронзительной ноте. Не знаю, какого цвета у них глаза в обычной жизни, но сейчас они были белыми, ничего не видящими. В этом состоянии они наверняка не слышали ни слов, которые иногда были недурны, ни музыки, иногда совсем неплохой, а чувствовали себя кроликами перед гипнотическим взглядом удава. Мне рядом с ними было так же нелепо, как человеку, давшему обет трезвости за общим столом с алкоголиками. Концерт окончился, и я остался при своих прежних убеждениях. Хотя, должен признаться, что некоторые их вещи мне пришлись по душе. Как нравятся мне и отдельные произведения «биттлов» и других ансамблей поп-музыки. Некоторые из них содержат пафос борьбы. Такие, например, как песни «биттла» Дж. Леннона «Власть народу», «Анджела» или «Герой рабочего класса». Кстати, тот же Леннон внес крупную сумму в фонд забастовки судостроителей Верхнего Клайда.

И все же личные помыслы поп-музыкантов ничего не меняют в том общем положении, что буржуазная идеология и культура поглотили и «биттлов», и «Стоунз», и прочие музыкальные группы. А сам феномен поп-музыки превратился в мощное средство воздействия на сознание молодежи.

И действует она большей частью на инстинкты, на которые не без успеха влияет бульварная пресса, описывающая со вкусом насилия, убийства и всевозможные сексуальные извращения. Как и романы «Черной серии», она постепенно приучает к бездумному, спонтанному восприятию жизни; возбуждая рефлекс, она притупляет разум, вырабатывает в конечном итоге определенный тип мышления — «поп-мышления». В своем музыкальном творчестве «Стоунз» сосредотачиваются на изобретении всевозможных сочетаний

звучков, на этом их функция кончается. Когда Мика Джеггера однажды спросили, какое же послание несет его музыка аудитории, он со свойственным ему тяжеловесным юмором ответил: «Когда мне необходимо передать послание, я иду на почту». Социальная практика, создавшая современного Homo sapiens, включала в себя в качестве одного из органических компонентов и искусство. Именно под его воздействием оформились эстетический слух и зрение человека, те центры в полушариях мозга, которые регулируют процессы восприятия прекрасного. Музыкальное чувство возникло и развивалось под прямым воздействием музыки, сначала примитивной, потом более сложной. На концертах «Роллинг стоунз» искаженные лица и дергающиеся тела слушателей наводят на мысль о том, что определенные формы современного искусства способны оживить в человеке забытые животные инстинкты, свести сознание до уровня рефлексов.

И это, что бы ни говорил Жиль Дюмюр, играет на руку буржуазной пропаганде, теоретики которой проводят в последнее время все более отчетливую грань между политическими словонизлияниями и практической деятельностью. Их мало волнуют декларации, даже самые радикальные, главное, чтобы практическое поведение не совпадало с этими декларациями. Ж. Эллюль определил указанный феномен термином «ортопраксия» (в отличие от ортодоксии, где, по словам Ж. Эллюля, действия соответствуют убеждениям и вытекают из них) и считает его одной из главных характеристик пропаганды Запада. «Цель современной пропаганды, — пишет он, — состоит не в том, чтобы модифицировать идеи, а в том, чтобы спровоцировать действие. Речь идет не о том, чтобы интеллектуальным путем изменить убеждения индивида и приобщить его к новой доктрине, а о том, чтобы иррацио-

нально включить его в активный процесс, не о том, чтобы подвести его к тому или иному выбору, но о том, чтобы возбудить его рефлексы... Необходимо, чтобы действие было не результатом размышления, выбора или решения, а выступало на уровне чисто рефлекторном... Иначе говоря, пропаганда воздействует на подсознание человека... Она должна нащупать такой центр, такой узел, привести в действие такой механизм подсознания, которые вызовут желаемое действие... При этом индивид может даже иметь определенные политические убеждения и все же действовать вопреки им».

Не столь давно во Франции был проведен социологический опрос молодежи на тему: «Как вы мыслите будущее и свое личное участие в нем?» Многие ответили, что будущее вне всякого сомнения принадлежит социализму. Что касается личного участия в этом будущем, то в этих ответах приводились и планы трудоустройства, и планы женитьбы, и планы достижения материального стандарта жизни. И нередко в этих ответах не было и намека на личное участие в борьбе за достижение социализма. Против такого абстрактного социализма, который неизвестно когда и неизвестно кем будет «преподнесен» молодежи, правящий класс не возражает.

И в этом плане «революционеры» «Стоунз» для западной пропаганды — просто находка. Их декларативное поношение буржуазной системы и отказ от политики не исключают того, что сами они нередко на деле помогают делать политику представителям той же системы. Это частичка модного бунта против «высоколобой» академической культуры, закосневшей в своей авторитарной неподвижности и служащей признаком принадлежности к избранным сферам общества. Но вместе с антидемократической мертвечиной

этой рафинированной культуры поп-бунт убивает саму мысль, сознание.

Модернисты, «разрушители традиций», всегда претендовали на революционную исключительность. В этом убеждении их активно поддерживают некоторые философы. Г. Маркузе, например, не раз писал о том, что реализм в наши дни уже не способен служить революционным целям. Напротив, картина сюрреалиста, по его мнению, революционна, поскольку она отражает бессмысленность мира и призывает тем самым к его низвержению. «Рациональность» капиталистической экономики он отождествляет с реализмом в искусстве и с разумом вообще. И разум становится, по его утверждению, репрессивным, а реализм — красивым обманом, оправдывающим эту репрессивность. Поэтому искусство должно, по Г. Маркузе, выражать «великий отказ» и от репрессивной действительности, и от ее изображения. А по мнению другого философа, Т. Адорно, искусство способно действовать на сознание лишь с помощью «непримиримого отказа» от изображения явлений той же действительности. Но отказ от такого изображения означает торжество все того же иррационализма и пассивности. В результате лишенная мысли «массовая» контркультура остается столь же мертвой, как и критикуемая ею культура, отрывающая мысль от масс.

Правда, на первых порах поп-музыка, как и прочие проявления контркультуры, раздражала представителей правящего класса, тех, кто определял политику последнего в области культуры, вызывая с их стороны резко отрицательную реакцию, ибо она не умещалась в традиционные и привычные понятия. Дж. Дондеро, конгрессмен из штата Мичиган, например, даже утверждал, что сюрреализм, кубизм и прочие подобные течения — изобретения коммунистов.

«Искусство «измов», — говорил он, — это оружие русской революции, которое было перенесено в Америку, и сегодня, разложив и пропитав многие наши художественные центры, угрожает подорвать и разложить благородное искусство наших традиций и наследия. Так называемое новое или современное искусство в нашей собственной стране содержит все «измы» разложения, упадка и растления. Все эти «измы» иностранного происхождения, и им поистине не должно быть места в американском искусстве... Все они — средства и орудия разрушения». Однако идеологи капитализма быстро сообразили, что борьба с контркультурой может превратить интеллектуальную оппозицию, оппозицию в сфере культуры, в более серьезную, политическую. К тому же анализ новых «измов» показал, что не так страшен черт, как его малюют, и что его самого можно с успехом запрячь в идеологическую упряжку монополий.

При всей кажущейся отдаленности поп-музыки от рецептов, предлагаемых некоторыми буржуазными учеными, о чем речь шла выше, в них содержится определенное внутреннее единство. Ведь основным исходным моментом «генетического контроля» над обществом и превращения человека в «годного к употреблению» служит низведение сознания до уровня рефлексов, превращение людей в пассивных существ, ждущих указаний от элиты. Музыка «Роллинг стоунз», несмотря на ее внешнюю агрессивность и крикливость, тоже приучает к политической пассивности. От того, что эта пассивность сопровождается шумом, она не перестает быть таковой.

Небезынтересная деталь: шумная реклама, предшествовавшая гастролем группы «Роллинг стоунз» в Париже, и сами эти гастроли совпали по времени с решением французских властей закрыть столичный

оперный театр по причине его «нерентабельности». И только широкая кампания протеста помогла спасти парижскую оперу. Подобное совпадение безусловно случайность. Но сама тенденция вполне закономерна. Согласно официальной статистике, за семь лет с 1968 по 1975 г. число драматических и лирических актеров во Франции сократилось на 33 процента. Я беседовал с одним из безработных актеров, и он жаловался, что публика не понимает настоящего искусства, что ее духовные запросы очень низки. Хотя, по его же словам, он присутствовал на празднике газеты «Юманите» и был потрясен тем, с каким интересом молодые люди слушали исполнение «Реквиема» Берлиоза.

Конечно же все дело в публике, в уровне ее культуры. Можно ли, скажем, повысить музыкальную культуру молодежи и привлечь ее в концертные залы? Безусловно. Но для этого необходимо создать широкую сеть концертных помещений, снизить цены на билеты, обеспечить музыкантам достойную пропаганду. Однако все это остается мечтой, если иметь в виду, что из государственного бюджета Франции министерству культуры поступает лишь 0,5 процента. Стоит ли после этого удивляться тому факту, что 78 процентов французов в возрасте от 15 до 26 лет ни разу не были на музыкальном концерте. Их приобщение к музыке ограничивается прослушиванием грампластинок и магнитофонных записей. А эта отрасль находится целиком в руках частных компаний, основная цель которых — все та же прибыль, сиюминутная рентабельность. Поэтому им гораздо выгоднее подстроиться к примитивным музыкальным вкусам, чем воспитывать высокие вкусы. В результате французский музыкальный рынок буквально завален ходовыми американскими шлягерами, на рекламу которых тратятся баснословные средства. А на поддержку ком-

позиторов и исполнителей, творческие поиски которых базируются на лучших образцах национального искусства, выделяются крохи.

Приобщение масс к образцам высокой культуры нерентабельно для правящего класса и в политическом плане. И здесь стремление монополий к максимальной прибыли полностью совпадает с их идеологическими интересами. Правда, многие западные исследователи проблем культуры этого не замечают или делают вид, что не замечают. Австрийский философ В. Краус в своей книге «Культура, власть. Превращение желаний» говорит о том, что все большая часть населения размышляет сейчас о проблемах культуры. Возникновение на Западе различных субкультур свидетельствует, по мнению В. Крауса, о тяге к духовным ценностям, к содержательной жизни, об отказе от потребительства и экономического успеха, и с этим можно согласиться. Как и с мыслью автора книги о том, что нынешний кризис буржуазной демократии своими корнями уходит и в сферу культуры и что рост внутренней политической напряженности в странах Запада, забастовки, усиление конфликта между поколениями, все чаще выступающие на авансцену политической жизни террор, насилие и преступность, возросшая опасность неврозов и различного рода кризисов цивилизации свидетельствуют о том, что состояние, в котором находится сейчас культура, далеко не удовлетворительно. Однако В. Краус объясняет все это фактом пренебрежения к проблемам культуры со стороны «политиков и правителей Запада», которые «не используют у себя культуру и искусство в целях политической пропаганды», в то время как «именно в сфере культуры формируется иерархия ценностей и возникают представления о человеческих желаниях». И заключает: «Только в том

случае, если осмысленная культурная ориентация будет обеспечена и широко распространена, демократии Запада переживут последующие десятилетия».

Вот с этим «если» согласиться невозможно. Политики и правительства Запада ведут вполне осмысленную политику в области культуры, которая заключается в том, чтобы не допустить роста подлинной культуры трудящихся масс, ибо это чревато для капитала серьезными неприятностями. Ведь развитие культуры и рост сознательной активности идут рука об руку. Но, как показал К. Маркс, буржуазное бюрократическое государство держится пассивностью народных масс, а потому и стремится постоянно воспроизводить пассивность. Оно внушает трудящимся, что об общих принципах управления «могут судить только *высшие* сферы, обладающие более всесторонними и более глубокими *знаниями* об *официальной* природе вещей...»¹. В современном буржуазном государстве с целью соответствующего воздействия на массы используются даже субкультуры, порожденные протестом против существующей действительности. И целенаправленная культурная политика играет здесь далеко не последнюю роль.

Подобно тому как массовое капиталистическое производство товаров создает усредненного, стандартизированного потребителя, так и капиталистическая монополия на средства массового распространения информации создает усредненного читателя, слушателя, зрителя. Лавина однообразных стандартных образов нивелирует художественный вкус людей, их культурные потребности и сам уровень культуры. Таким образом, то состояние культуры на Западе, на которое обратил внимание В. Краус, является не результатом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 201.

пренебрежения политиков к проблемам духовной жизни, а неизбежным проявлением их вполне осознанной политической линии.

Идеологические представители правящего класса прекрасно осознают, каким мощным оружием воздействия может быть культура, и активно используют это оружие. В результате изучения проблем свободного времени руководитель группы при Национальном центре научных исследований Франции Ж. Дюмазедье пришел к выводу, что досуг все больше превращается в «фактор возможной деполитизации, нового опима для народа». Информация, по словам Ж. Дюмазедье, превращает политическое событие в спектакль, и это помогает делать граждан индифферентными и удовлетворенными, а блага и услуги досуга подчиняются тем же законам рынка и принимают стандартизованные формы по коммерческим или политическим соображениям.

Вступив на пост директора второго канала французского телевидения, П. Саббаг отменил целый ряд серьезных передач, таких, как «Мир искусства», «Дороги истории», «Словарь идей» и др. Свою политику составления программ он определил следующим образом: «Уж не думаете ли вы, что, проведя день на заводе, в бюро, коммунальном транспорте и магазинах, человек расположен к восприятию передач, требующих интеллектуальных усилий?» А директор отдела программ радиостанции «Европа-1» Деланэ высказал афоризм, перефразирующий знаменитое изречение нацистов: «Когда я слышу слово «культура», рука моя невольно тянется к... аккордеону». Убить культуру можно не только с помощью пистолета, но и с помощью аккордеона. Если, конечно, все сводить к аккордеону, который в этом случае служит обобщающим образом всего культурного ширпотреба.

Подобная культурная политика неизбежно требует низведения культуры людей до весьма среднего уровня, выработки культурного конформизма. Но конформизм в области культуры идет рука об руку с политическим конформизмом. И таким образом, «Роллинг стоунз» и прочие группы поп-музыки и поп-искусства в целом используются не только с целью так или иначе удовлетворить потребности масс в культуре, но и в качестве мощного средства идеологического воздействия на массы. На деле они помогают монополиям вырабатывать в молодежи пассивность, конформизм, отвлекать ее от политики, от борьбы против капиталистической системы. И в то же время идеологи монополий нередко используют контркультуру для компрометации молодежи и обвинения ее в грехах той же системы.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

«Фигаро», «Орор», «Экспресс», «Пари-матч», «Франс-суар» и другие органы большой прессы Франции посвятили этому делу сенсационные материалы. Интерес вполне понятный, поскольку речь шла о смертном приговоре, событии, которое само по себе всегда является неординарным. Когда же такой приговор выносится человеку, достигшему только семнадцати лет, то оправдана и сенсация. И все же повышенный интерес к указанному событию, и особенно его интерпретация, наводит на размышления и выводы, гораздо более серьезные, чем те, что были сделаны средствами массовой информации.

Мрачная, торжественная процедура была выдержана в лучших традициях французского правосудия и в точном соответствии с буквой закона. Трое членов

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
1. РАЗУМ НА АУТОДАФЕ	11
Ложь во спасение	12
Розовые очки для души	20
Доктор Фауст из ЦЕРНа	34
Анатомия акулы	55
2. «КОГДА Я СЛЫШУ СЛОВО «КУЛЬТУРА»...»	73
Рецепты Жерара де Виллье	74
...И стереотипы Алена Пенеля	92
Как влезть в шкуру «идола»	101
«Катящиеся камни»	114
Преступление и наказание	128
3. МИШЕНЬ — КОММУНИЗМ	143
О солнце, луне и «промывании мозгов»	144
Познакомьтесь: Жан-Франсуа Ревель	155
В духе Радамы Второго	163
4. МИФОЛОГИЯ АНТИСОВЕТИЗМА	175
Миф первый: о свободе	176
Миф второй: о «советской угрозе»	187
Миф третий: об «идеологической разрядке»	198
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	217

**Эдуард Маркович
Розенталь
ВЛАСТЬ
ИЛЛЮЗИИ**

Заведующий редакцией

В. М. Михалев

Редактор

Р. К. Медведева

Младший редактор

О. П. Осипова

Художественный редактор

С. И. Сергеев

Технический редактор

Н. К. Капустина

ИБ № 1064

Сдано в набор 20.01.78. Подписано в печать 25.04.78. А00670.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Услови. печ. л. 10,15.
Учетно-изд. л. 9,62. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 2490.
Цена 40 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».

Москва, Краснопролетарская, 16.

— Чего ты хочешь? Устаешь на заводе хуже собаки. И когда приходишь домой, все твои рефлексы направлены вот к этому ящику.— Анри Элан ткнул пальцем в телевизор.— Я, например, знаю заранее, что не увижу там ничего нового, те же глупости и чепуху, и все же это отвлекает от забот.

Анри перехватил мой взгляд, брошенный на книжный шкаф, где аккуратными рядами стояли книги Руссо, Вольтера, Арагона, Джека Лондона, Достоевского, Николая Островского и на отдельной полке — произведения Маркса, Ленина:

— Вот, вот, бывает, разумом тянешься туда, к серьезным вещам, а искушение пересиливает — и нажимаешь кнопку телека. Не потому, что это нравится, а потому, что успокаивает. Как таблетки от головной боли. Пьешь их не потому, что вкусно, а потому, что голова болит. Хотя той же головой понимаешь: завтра она опять будет болеть и надо не таблетки глотать, а все менять, всю жизнь с головы на ноги ставить. А для этого следует почаще обращаться туда.— Он указал в сторону книжного шкафа:

— Впрочем, у нас, на Западе, много таких, которые осознают, что к чему. Но этого мало, надо не только осознать обстоятельства, но еще и решиться изменить их. А это, скажу тебе, ох как нелегко, сила воли нужна. И вот это отвлекает.— Он снова ткнул пальцем в телевизор. Стукнул кулаком по коленке и сказал со злостью: — Успокаивает, зараза, уводит...

